

Ярослав Северцев

**Последний из рода.
Том 7. Семь печатей!**

Ярослав Северцев

**Последний из рода.
Том 7. Семь печатей!**

«Автор»

2026

Северцев Я.

Последний из рода. Том 7. Семь печатей! / Я. Северцев —
«Автор», 2026

Кирилл Димидов, последний рода, собрал шесть источников силы. Но седьмой источник оказался не тем, что он ожидал! Чтобы спасти империю, Кирилл вынужден поглотить седьмой источник. Вместе с силой он получает Древнего — паразита, который каждую ночь пытается захватить его тело и разум. С каждым рассветом битва становится тяжелее. С каждым закатом Кирилл слабеет.

Ярослав Северцев
Последний из рода. Том 7. Семь печатей!

Глава 1: Под Зимним

Подвалы Зимнего дворца пахли не так, как другие подземелья.

Здесь не было сырости, плесени и крысиного помёта. Здесь пахло старым камнем и временем. Тем особым запахом, который остаётся в местах, где ничего не происходит веками. Кирилл чувствовал этот запах кожей, когда они спустились по винтовой лестнице, вырубленной в скальной породе ещё до того, как на этом месте заложили первый камень.

Архивариус шёл впереди с фонарём. Старый, сгорбленный, с трясущимися руками, но глаза — живые, цепкие, всевидящие. Он не задавал вопросов. Не оборачивался. Просто вёл их за собой, и его тень плясала на каменных стенах, как привязанная. Иногда он останавливался, прикладывал палец к губам, прислушивался к чему-то, чего Кирилл не слышал, и снова шёл дальше.

— Здесь, — сказал он, останавливаясь перед стеной.

Никакой двери. Никакого прохода. Просто стена из серого камня, покрытая рунами. Кирилл узнал их. Те же, что в горах, те же, что в болотах. Письмена первого Димидова. Родовая печать, которую мог открыть только тот, в ком текла кровь его рода. Руны не светились, не пульсировали — они спали. Ждали.

— Вы не сможете её открыть, — сказал архивариус. В его голосе не было сомнения — была констатация факта, подкреплённая годами неудач. — Мы пробовали всё. Ключи, заклинания, даже взрывчатку. Стена не поддаётся. Она... живая. Она выбирает, кому открываться.

— Отойдите, — ответил Кирилл.

Он подошёл к стене. Положил ладони на холодный камень. Багровый свет вспыхнул на его пальцах, потек по рунам, и стена загудела. Не скрежетом — низкой, глубокой нотой, от которой заныли зубы, а у Кузьма заложило уши. Камень пошёл трещинами, но не рухнул — расплавился, как воск, открывая проход. Воздух изнутри ударил в лицо сухим, ледяным холодом, и Кирилл почувствовал, как внутри, в груди, отозвались все шесть источников. Сразу. Впервые.

Четвёртый дёрнулся, как зверь в клетке, требуя крови. Пятый замер, холодный и отстранённый. Шестой пульсировал ровно, спокойно, как часы, отсчитывающие время. А первые три — те, что были с ним с самого начала, — отозвались глухим эхом, будто вспоминали что-то давно забытое.

— Идём, — сказал Кирилл, шагая в темноту.

За стеной оказался коридор. Широкий, высокий, с потолком, который терялся в черноте. Стены были покрыты рунами, но эти руны не горели — они пульсировали. Живым, ровным светом, в такт чему-то глубокому, древнему. С каждым шагом пульс становился громче, и Кирилл понял: они идут по венам. По жилам земли, которая дышала под Зимним дворцом.

— Сеня, купол, — сказал Кирилл, не оборачиваясь.

Сеня поднял руки. Щит вырос вокруг отряда — тонкий, прозрачный, но Кирилл заметил, как он дрожит. Парень устал. Они все устали. Три дня дороги, форт, бой, смерть Оболенского, снова дорога. Похороны праха в усадьбе, где Матрёна плакала, а Григорий стоял молча, сжимая рукоять меча так, что костяшки побелели. Но жаловаться было некогда.

— Держи только на нас, — добавил Кирилл. — Экономь. Снаружи ничего нет, кроме камня.

Сеня кивнул. Из его носа уже текла кровь — тонкая, едва заметная струйка. Он вытер её рукавом, не опуская щита. Его лицо было бледным, почти прозрачным в свете рун, но он держался.

Коридор уходил вниз. Ступени были вырублены в камне, но не скользкие — шершавые, будто их только вчера закончили. Кирилл шёл первым, держа руку на эфесе меча. Лезвие тихо

звенело, отзываясь на магию, которая пропитала эти стены. За ним — Вероника. Её дыхание было ровным, холодным, и воздух вокруг неё заметно замерзал, превращаясь в мелкие кристаллики льда, которые оседали на её плечах, как снег. Она не спала третьи сутки, но держалась прямо, и только Кирилл замечал, как иногда её рука касалась его спины — проверить, рядом ли он.

— Чувствуешь? — спросил Алексей, замыкающий.

— Что? — спросил Кузьма, шлёпая сапогами по каменным ступеням. Сапоги были старыми, разношенными, и каждый шаг отдавался глухим стуком, который эхом разносился по коридору.

— Тишину. Она здесь не такая, как наверху. Она... давит.

Кузьма передёрнул плечами. Его чёрные ступни в сапогах чесались — нервное, привычное уже. После того, как он побывал внутри каменного змея, кожа на ногах так и не#### нормальный цвет. Матрёна говорила, что это навсегда. Кузьма сначала переживал, потом привык. Он сунул руки в карманы, нащупал печати. Все на месте. Три новых, которые он сделал сам, пока ехали в столицу, — с усиленной звуковой волной, от которой закладывает уши даже на расстоянии.

Михаил шёл молча. Он смотрел по сторонам, и на его ладонях тлели маленькие огоньки — не для боя, для света. И для тепла. Потому что здесь, под землёй, холод пробирал до костей даже сквозь магию. Его лицо было спокойным, но Кирилл знал: Михаил думает о том же, о чём и они все. О последнем источнике. О цене. О том, кто не вернётся.

— Сколько ещё? — спросила Вероника.

— Не знаю, — ответил Кирилл. — Но он близко.

Он чувствовал седьмой источник. Тот пульсировал где-то впереди, в глубине, на самой грани восприятия. Пульс был не таким, как у четвёртого — кровавого, требовательного, который бился в такт сердцу и требовал жертв. Не таким, как у пятого — холодного, горного, отстранённого, который замораживал сознание и оставлял только чистый, равнодушный расчёт. И не таким, как у шестого — живого, текучего, как сок дерева, который дышал и рос внутри него, как второе сердце.

Седьмой был пустым.

Не белым. Не золотым. Пустым. Как провал в памяти. Как место, где что-то было, но ушло. Кирилл чувствовал эту пустоту нутром, и она пугала его больше, чем любой враг. Потому что пустота не требует платы. Она просто забирает. Всё.

— Остановитесь, — сказал он, поднимая руку.

Отряд замер. Кирилл присел на корточки, провёл пальцами по полу. Камень был гладким, отполированным до зеркального блеска. И тёплым. Слишком тёплым для подземелья под Зимним дворцом. Он постучал костяшками — звук был глухим, как над пустотой.

— Здесь кто-то был, — сказал он. — Недавно. Часа два-три назад.

— Кто? — спросил Алексей, опуская щит.

— Не знаю. Но следы свежие. Один человек.

Он поднял голову и посмотрел вперёд. Коридор расширился, и в полумраке уже угадывались очертания огромного зала. Там, в центре, на каменном постаменте, пульсировал слабый свет. Не белый, не золотой — серый. Мёртвый.

— Это не источник, — сказала Вероника, и в её голосе прозвучала та же тревога, что терзала Кирилла.

— Нет, — согласился он. — Это ловушка.

Он поднялся, выхватил меч. Багровый свет вспыхнул на лезвии, отражаясь от стен сотнями алых бликов. Руны на стенах отозвались — загудели громче, замерцали, и Кирилл почувствовал, как его сила давит на них, как они сопротивляются, не пускают.

— Сеня, усиль щит. Кузьма, печати наготове. Алексей, зеркальный слой поверх купола. Вероника, Михаил — работаете в паре.

— А ты? — спросила Вероника, и её рука коснулась его локтя. Холодная, как всегда, но живая.

— Я пойду первым.

Он шагнул в зал.

Тьма в углах зашевелилась.

Сначала Кирилл подумал, что это туман. Такой же, как в болотах, — живой, дышащий, враждебный. Тот туман, который давил на сознание, показывал лица мёртвых, заставлял сомневаться в реальности. Но когда он присмотрелся, понял: это не туман. Это тени. Они отрывались от стен, от пола, от потолка, собирались в фигуры, принимали очертания. Человеческие очертания.

— Тёмные маги, — сказал Алексей, выставляя щит.

— Нет, — покачал головой Кирилл.

Из темноты вышел Оболенский.

Оболенский, который шёл замыкающим. Оболенский, который погиб в форте. Оболенский, чей прах Кузьма собрал в мешочек и повесил на шею. Он был бледным, почти прозрачным, и сквозь его тело просвечивали руны на стенах.

— Как это возможно, ты же мертв, — сказал Кирилл, не оборачиваясь.

— Я живой как видишь, — ответил Оболенский. Его голос был чужим — глухим, с металлическим призвуком, будто говорил не человек, а механизм.

Кирилл присмотрелся, перед ним стоял не Оболенский. Это была его тень. Она приняла форму княжича, его лицо, его одежду, даже его усмешку — ту самую, дурацкую, которую Кирилл так хорошо знал. Но глаза были пустыми. Чёрными. Как у Древного. Как пустота внутри седьмого источника.

— Ты не он, — сказал Кирилл.

— Я — память, — ответила тень. — Я — боль. Я — то, что ты не можешь забыть. Я — твоя совесть. Ты убил меня!

Тень шагнула вперёд, и Кирилл почувствовал, как холодок пробежал по спине. Не от страха — от узнавания. Он знал это чувство. Он носил его в себе с того момента, как отрубил голову другу. С того момента, как чёрная кровь брызнула на его лицо, а тело рухнуло в грязь двора.

— Ты убил меня, — снова сказала тень. — Ты убил друга. своими руками. Своим мечом.

— Я освободил его, — ответил Кирилл. — Он не хотел оставаться чудовищем.

— Я не хотел умирать.

— Никто не хочет.

Тень замерла. Её пустые глаза смотрели на Кирилла, и в них не было ни злобы, ни ненависти. Только пустота. Та же пустота, что пульсировала в седьмом источнике. Та же пустота, что ждала в конце пути.

— Ты не пройдёшь, — сказала тень. — Я не пущу.

— Ты не сможешь меня остановить.

— Смогу. Потому что я твой страх. А ты боишься этого.

Кирилл шагнул вперёд, поднял меч. Багровое лезвие рассекло воздух, но тень не шелохнулась. Она стояла, глядя на него пустыми глазами, и улыбалась улыбкой Оболенского — той самой, которую Кирилл видел в последний раз, когда княжич ещё был человеком.

— Убей меня, — сказала тень. — Убей ещё раз. Легче не станет. Ты это знаешь.

Кирилл опустил меч. Лезвие звякнуло о каменный пол, высекая искры.

— Ты прав, — сказал он. — Я боюсь себя. Боюсь того, что сделал. Боюсь того, что ещё сделаю. Но это не остановит меня.

Он убрал меч в ножны.

— Я не буду с тобой драться. Ты не враг. Ты — просто мой страх который живет в моей голове.

Тень смотрела на него долго. Потом её очертания начали расплываться, таять, и через минуту от неё осталась только серая дымка, которая медленно осела на пол.

— Ты стал мудрее, — сказала Вероника. В её голосе не было насмешки — только констатация факта.

— Или глупее, — ответил Кирилл. — Идём.

Они двинулись дальше. Зал был огромным — больше, чем все, что они видели раньше. Потолок уходил вверх, теряясь в темноте, и Кирилл заметил, что рун на стенах больше нет. Вместо них — пустота. Гладкий камень, который, казалось, впитывал свет. Шаги отдавались эхом, и казалось, что где-то в глубине, в ответ, тоже кто-то идёт. Но когда Кирилл останавливался, тишина становилась полной.

— Не нравится мне это место, — сказал Кузьма, оглядываясь.

— Мне тоже, — ответил Сеня. Его щит всё ещё дрожал, но кровь из носа перестала течь — только засохшие корки на верхней губе.

— А у нас нет другого выбора, — сказал Михаил.

— Да уж — обреченно произнес Кузьма.

Они замолчали.

В центре зала, на постаменте из чёрного камня, висел источник. Он не лежал — он парил в воздухе, медленно вращаясь вокруг своей оси. Сфера размером с человеческую голову, прозрачная, как слеза, и внутри неё не было ничего. Только пустота. Абсолютная, полная пустота, которая смотрела на них сотней невидимых глаз.

— Это он? — спросил Алексей.

— Это он, — ответил Кирилл. — Седьмой.

— Почему он пустой? — спросил Кузьма.

— Потому что его сила внутри меня, — раздался голос из темноты.

Тьма в глазах зала зашевелилась. Она сгустилась, приняла форму, и из неё вышел он.

Древний.

Но не тот, которого Кирилл видел в горах — туманный, расплывчатый, едва удерживающий форму. И не тот, что приходил в усадьбу Шереметевых — почти человек, с лицом и голосом, который угрожал и смеялся. Этот был другим. Этот был с телом настоящим, сотканным из тьмы, твёрдым, как камень, и одновременно живым, как плоть.

Высокий мужчина в чёрном балахоне, с длинными белыми волосами и глазами, которые светились пустотой. Та же пустота, что внутри источника. Та же пустота, что внутри Кирилла. От него исходил холод — не тот, глубокий, который пробирал до костей и заставлял меридианы сжиматься.

— Здравствуй, Багровый, — сказал он. Голос его звучал не из горла — из самой тьмы, которая клубилась вокруг него, как плащ. — Я ждал тебя. Тысячу лет я ждал.

Кирилл не ответил. Он смотрел на Древнего и чувствовал, как внутри, в груди, пульсируют шесть источников. Все они отзывались на его присутствие, но по-разному. Четвёртый — злобой, желанием убить, разорвать, уничтожить. Пятый — холодом, желанием отстраниться, заморозить эмоции, стать равнодушным. Шестой — жизнью, желанием бежать, спрятаться, выжить любой ценой.

— Ты долго шёл, — продолжал Древний, делая шаг вперёд. Его ноги не касались пола — он плыл над камнем, как призрак, как видение, которое вот-вот исчезнет. — Три источника в горах. Четвёртый — на юге, когда ты убивал две тысячи человек, чтобы заплатить кровью. Пятый — в храме, когда ты чуть не стал мной, когда тьма почти поглотила тебя. Шестой — в болотах, когда ты заключил сделку со смертью и выиграл год.

— А седьмой? — спросил Кирилл. — почему он в тебе?

— Древний рассмеялся и от его смеха волосы вставали дыбом. — Седьмой всегда был моим. Он — моя тюрьма. И мой ключ на свободу!

Он подошёл к постаменту, провёл рукой по пустой сфере. Та отозвалась слабым, едва заметным свечением — не белым, не золотым, серым. Мёртвым.

— Первый Димидов запечатал меня здесь тысячу лет назад. Он отдал свою жизнь, чтобы создать эту клетку. Но клетка требует силу. А силу он разделил на семь частей — семь источников. Ты собрал шесть. Остался седьмой.

— И если я возьму его, ты освободишься, — спросил Кирилл.

— Да, — кивнул Древний. — Ты откроешь дверь и я обрету наконец то долгожданную свободу. Не как тень. Не как видение. Настоящий. Как тот, кто был до магии, до вас людей.

— А если я не стану его брат?

— Ты умрёшь, — спокойно ответил Древний. В его голосе не было угрозы — была констатация факта, как у архивариуса у стены. — Шестой источник требует плату. Год. У тебя осталось меньше года. Если ты не возьмёшь седьмой источник, шестой заберёт твою жизнь. Твоя кровь станет его кровью. Твоя сила — его силой. Ты станешь частью болота, как те, кого ты видел под Древом Жизни.

— Значит, у меня нет выбора, — сказал Кирилл.

— Выбор есть всегда, — Древний усмехнулся, и в его усмешке не было насмешки — только усталость. Тысячелетняя усталость существа, которое слишком долго ждало. — Ты можешь умереть сейчас. Прямо здесь. Я дам тебе такую возможность. Или ты можешь умереть через год, когда источник высосет тебя досуха. Я могу даровать тебе вечную жизнь со мной. Внутри меня. Как часть меня.

— Я не стану твоей марионеткой.

— Станешь, — Древний посмотрел на него, и в его пустых глазах мелькнуло что-то, похожее на жалость. — Потому что ты слаб. Ты всегда был слаб. Ты прикрывался друзьями, потому что боялся одиночества. Ты убивал, потому что боялся смерти. Ты брал источники, потому что боялся потерять то что тебе дорого. Ты как был ничтожеством, пустоцветом, как тебя называли в детстве таким и остался!

— Это не слабость, — сказал Кирилл.

— А что?

— Это мой выбор

Древний замер. Его пустые глаза смотрели на Кирилла, и в них не было ни насмешки, ни злобы. Только пустота. И что-то ещё — что-то, чего Кирилл не мог определить. Может быть, удивление.

— Ты смешной, — сказал он наконец. — Как и все люди. Вы живёте так мало, а цепляетесь за жизнь так сильно. Вы готовы убивать, предавать, умирать — лишь бы прожить лишний день. Ради чего? Ради того, чтобы утром встать и пойти на работу? Ради того, чтобы вечером сесть у камина и смотреть на огонь? Ради того, чтобы знать, что завтра будет то же самое?

— Ради того, чтобы увидеть рассвет, — ответил Кирилл. — Ради того, чтобы обнять того, кого любишь. Ради того, чтобы знать, что ты не зря прожил этот день. Ради того, чтобы оставить после себя что-то, что будет жить дальше.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который у меня есть.

Кирилл шагнул вперёд. Багровый свет на его руках вспыхнул ярче, смешиваясь с зелёным и золотым. Все шесть источников внутри него загудели, запели, закричали, требуя выхода. Его меридианы расширились, кровь ускорила, и он чувствовал, как его тело меняется, подчиняясь силе, которая была в нём.

— Я возьму седьмой источник, — сказал он. — Но не для того, чтобы освободить тебя. Я возьму его, чтобы запечатать тебя навсегда.

— Это невозможно, — усмехнулся Древный. — Источник и я — одно целое. Ты не можешь взять одно, не взяв другое.

— Посмотрим.

Кирилл коснулся сферы.

Мир взорвался серым светом.

Он увидел всё. Как создавался мир из хаоса и тьмы, как первые маги пришли на эту землю и начали черпать силу из источников. Как его предок, первый Димидов, сражался с Древным и запечатал его ценой своей жизни. Как Древный ждал тысячу лет в этой пустоте, питаясь страхом и болью тех, кто приходил к источнику.

Он увидел цену. Тысячи лет. Тысячи смертей. Тысячи жертв, которые приносили маги, чтобы Древный не проснулся. И всё это время источник питался их кровью, их болью, их отчаянием.

— Теперь ты знаешь, — сказал голос Древного. Голос был рядом, внутри, в голове, в груди, в каждой клетке тела. — Теперь ты понимаешь. Я не зло. Я — необходимость. Без меня не было бы магии. Без меня мир умрёт. Без меня не будет ни источников, ни магов, ни людей, не будет баланса сил. Всё вернётся в хаос.

— Ты врёшь, — прошептал Кирилл.

— Я никогда не вру.

Кирилл открыл глаза.

Он стоял на коленях перед постаментом. Сфера в его руках пульсировала — золотым светом. Сила седьмого источника входила в него, заполняя пустоту, которая была внутри. Он чувствовал, как его меридианы расширяются, как кровь ускоряется, как сердце бьётся чаще, сильнее. Он чувствовал, как Древный пытается проникнуть в него, занять место, стать хозяином.

— Не выйдет я не позволю, — прошептал Кирилл собрав волю в кулак.

Он сжал руку, и свет вспыхнул в последний раз. Древный закричал — впервые по-настоящему, не притворно, не насмешливо. Закричал от боли, потому что его сила, его тьма, его суть входили в Кирилла, становились частью его, но не как хозяина, а как раба. Кирилл чувствовал, как тьма бьётся внутри него, как она пытается вырваться, захватить контроль, но он держал её. Он был сильнее.

— Ты заплатишь, — прохрипел Древный. Его голос становился тише, слабее, дальше. — Ты заплатишь за это. Твоя семья. Твои друзья. Твоя любовь. Всё, что тебе дорого, сгорит в огне, который ты разжёг.

— Возможно, — ответил Кирилл. — Но не сегодня.

Свет погас.

Кирилл стоял посреди зала, тяжело дыша. Сфера исчезла. Седьмой источник был в нём. Он чувствовал его — не как отдельную силу, а как часть себя. Как новую конечность, которая всегда была здесь, но спала. Теперь она проснулась.

— Ты взял его? — спросила Вероника. Её голос дрожал.

— Взял, — ответил Кирилл.

— А Древный?

— Внутри меня, — он коснулся груди. Там, под рёбрами, пульсировало что-то чёрное, тяжёлое, чужое. — Запечатан. Я буду носить его в себе. Вечно.

Он повернулся к друзьям. Они стояли у входа в зал — усталые, израненные, но живые. Смотрели на него, и в их глазах были страх ужас и надежда. Кузьма перебирал печати, хотя опасность миновала. Алексей сжимал щит, хотя тьма исчезла. Сеня всё ещё держал купол, хотя кровь текла из носа уже не струйкой, а ручьём.

— Всё кончено, — сказал Кирилл. — Империя в безопасности. Древний не вернётся.
— А ты? — спросил Алексей. — Ты останешься прежним?

Кирилл помолчал. Он чувствовал, как внутри бьётся тьма, как она ждёт своего часа. Как она шепчет: «Ты не сможешь меня удержать. Рано или поздно я вырвусь». Но он не слушал.

— Нет, — ответил он. — Я должен уйти. Туда, где никто не сможет использовать мою силу.

— Мы пойдём с тобой, — сказал Кузьма.

— Нет, — покачал головой Кирилл. — У вас своя жизнь. Своё будущее.

— Ты наша семья, — сказал Сеня. Он опустил купол, и тьма вокруг них сомкнулась, но не враждебно — устало, как будто тоже ждала этого момента.

Кирилл посмотрел на них. На своих друзей. На свою семью. На людей, которые прошли с ним через горы, болота, войны и смерть. Которые не бросили его, даже когда он проигрывал. Которые верили в него, когда он сам в себя не верил.

— Спасибо, — сказал он. — За всё.

Он развернулся и пошёл к выходу.

Вероника шагнула за ним, но Алексей остановил её. Его рука легла на её плечо, и она замерла.

— Дай ему время, — сказал он.

Кирилл вышел из подземелья. На улице шёл дождь, холодный, колючий, как иглы. Он поднял лицо к небу, и капли смешались со слезами. Дождь смывал кровь, грязь, усталось. Но не мог смыть то, что было внутри.

Они вышли из подземелья Зимнего дворца вслед за ним за час до рассвета.

Кирилл шёл первым, и каждый его шаг отдавался в висках глухой, пульсирующей болью. Седьмой источник был внутри него. Он чувствовал его не как силу — как присутствие. Тяжёлое, чужое, живое. Оно расплзалось по меридианам, как ртуть, оставляя после себя холод и пустоту.

Вероника шла рядом, держалась за его руку, и он чувствовал, как она проверяет его пульс. Её пальцы были холодными — не от магии, от тревоги.

— Ты бледный, — сказала она.

— Я всегда бледный, — ответил Кирилл.

— Сейчас больше.

Он не стал спорить. Он чувствовал, как кровь отливает от лица, как сердце бьётся неровно, сбивчиво. Шестой источник, тот, что дал ему год жизни, пульсировал в груди боролся с седьмым пытаясь его поглотить!

Глава 2: Игла и плоть

Они покинули Зимний дворец затемно, и Петербург встретил их ледяным дождём, который шёл не сверху вниз, а под углом, будто город сам хлестал беглецов по лицам за то, что они посмели потревожить его подземелья.

Экипаж подали к служебному входу — старший кучер императора, седой, как лунь, с лицом, изрезанным морщинами, посмотрел на Кирилла и ни о чём не спросил. Только козырнул и отворил дверцу. Такие люди в империи умели молчать о том что видят, а видели они слишком много, чтобы задавать вопросы. Кирилла шатнуло, когда он забирался внутрь — ноги не слушались, а седьмой источник пульсировал в поясице глухо, ритмично, как второй сердечный удар, который не должен был существовать.

Вероника села рядом, на плечо ей тут же легла голова Михаила — парень вырубился мгновенно, едва коснулся обивки. Сеня устроился напротив, привалившись к Кузьме, и его веки дрожали от быстрого сна, в котором он, должно быть, всё ещё держал купол. Алексей занял место у окна и смотрел на убегающие назад фонари.

— К отцу, — сказала Вероника кучеру. В её голосе металл не звенел — он застыл коркой усталости.

Экипаж тронулся.

Мостовые были мокрыми, колёса скользили, и Кирилл какое-то время пытался следить за дорогой, за тем, как лужи разбиваются в брызги, как фонари тянутся вверх и пропадают. Но потом его сознание начало течь — вязко, неохотно, как смола. Он не спал. Он проваливался куда-то внутрь себя, туда, где на дне, в темноте, ворочалось нечто, принявшее облик Древного.

Он очнулся от того, что экипаж остановился.

Усадьба графа Воронцова, отца Вероники, стояла на высоком берегу Малой Невки, и с её окон, даже в такую темень, было видно, как течёт вода — чёрная, маслянистая, невозмутимая. Дом не был дворцом. Он был крепостью, но крепостью старой, обжитой, с тёплым камнем и резными наличниками, за которыми угадывался вкус поколений, живших здесь до того, как магия стала проклятием.

Двери открылись прежде, чем Кирилл успел постучать.

На пороге стоял граф. Высокий, сухой, с сединой на висках и глазами выцветшего серебра — теми самыми, что он передал дочери. Без балахона, без знаков отличий. В домашнем халате, накинутом поверх рубахи, босиком. Он ждал их. Он знал.

— Заходите, — сказал граф. — Топить велел со вчерашнего вечера.

Они вошли в прихожую, где пахло яблоками и воском, и Кирилл вдруг осознал, что забыл, каково это — быть в месте, которое не дышит магией. Которое просто живёт. Тёплый пол, мягкий свет, тишина без эха пустоты.

— Где источник? — спросил граф, глядя прямо на Кирилла.

— Во мне, — ответил тот.

Граф не вздрогнул. Только кивнул, медленно, как судья, выносящий приговор.

— Тогда ложись, — сказал он. — Завтра будем думать.

Ночь в усадьбе Воронцова была первой ночью без дороги за долгие недели.

Кириллу отвели комнату в восточном крыле — небольшую, с низким потолком и окном, выходящим на реку. Вероника принесла ему чистое бельё, сама отвернулась, пока он переодевался, а потом села на край кровати и долго смотрела на него, не мигая.

— Ложись, — сказал Кирилл.

— Я посижу, — ответила она. — Пока не уснёшь.

— Я усну быстро. Я почти не живой.

— Тем более.

Он лёг. Простыни были холодными, накрахмаленными, пахли лавандой. Кирилл закрыл глаза и провалился в сон не постепенно, а мгновенно, как камень в чёрную воду.

И там, во сне, его уже ждали.

Сначала казалось, что он всё ещё в экипаже. Те же толчки, та же мгла за окном. Но потом пол ушёл из-под ног, и Кирилл понял, что падает. Не вниз — внутрь. В себя. Туда, где пульсировала чернота седьмого источника, запечатанного в груди, как бомба с часовым механизмом.

Он приземлился на холодный пол.

Знакомый пол.

Зал под Зимним дворцом.

Но не тот, где был источник. Другой — его отражение, вывернутое наизнанку. Здесь стены были не серыми, а чёрными, и вместо рун по ним текли вены. Живые, пульсирующие, полные той самой тьмы, что вилась внутри Древного. В центре зала, на троне из костей, сидел он.

Теперь Древный выглядел иначе.

Не туманный. Не скользкий. Плоть его обрела плотность, лицо — черты, и Кирилл с ужасом узнал в них собственное отражение, только старое, изъеденное временем и злобой. Те же скулы, тот же разрез глаз, но глаза — не багровые, не зелёные. Пустые. Как источник. Как вечность.

— Здравствуй, — сказал Древный. Голос его звучал прямо в черепе Кирилла. — А я говорил, что мы ещё встретимся.

Кирилл попытался двинуть рукой — и не смог.

Тело не слушалось. Там, наяву, оно лежало на кровати в усадьбе Воронцова, дышало, моргало, сжимало пальцы — но здесь, во сне, он был парализован. Грудная клетка не поднималась. Глаза не закрывались.

— Что ты делаешь? — спросил Кирилл. Губы не шевелились, но Древный слышал. Или читал прямо в мыслях.

— Забираю то, что моё, — ответил тот. — Ты думал, что запечатал меня? Ты поглотил источник и думал это конец. Ты пригласил меня в гости. Дверь открыл сам.

Древный поднялся с трона. Шаг — и он оказался в двух шагах от Кирилла. Ещё шаг — и его лицо нависло над ним, холодное, тяжёлое, как надгробная плита.

— Ты спишь, — прошептал он. — А во сне воля слабеет. Во сне меридианы расслаблены. Во сне я могу делать с тобой всё, что захочу.

Он протянул руку — и та вошла в грудь Кирилла.

Боли не было. Был холод. Абсолютный, космический холод, который не сравнится ни с горным, ни с ледяной магией Вероники. Это был холод отсутствия. Холод пустоты, в которой нет ничего — ни тепла, ни времени, ни надежды.

— Ты будешь моим, — сказал Древный. — Не сегодня. Не завтра. Но скоро. Я буду подтачивать твою волю каждую ночь. Каждый раз — чуть глубже. И однажды ты проснёшься, но главным уже буду я.

И тогда Кирилл разозлился.

Не от страха. От усталости. Той самой, глубокой, древней, которая не имеет ничего общего с мышцами и костями. Он устал быть тем, кого пытаются сломать. Устал быть полем битвы. Устал быть тем, кто платит.

— Ты во мне, — сказал он. — И мне решать где тебе быть. И это моё тело.

Он не знал, откуда взялись силы. Может быть, от Вероники, которая сидела рядом наяву и держала его за руку. Может быть, от Кузьмы, который спал этажом ниже и на всякий случай разложил вокруг кровати защитные печати. Может быть, от самого камня этой усадьбы, который помнил времена, когда магии не боялись, а умели с ней жить.

Кирилл поднял руку.

В этом сне, в этом чёрном зале, где гравитация принадлежала Древнему, он всё же согнул локоть. Медленно. С хрустом, будто ломая собственные кости.

— Не может быть, — сказал Древний.

Древний дёрнулся назад, но Кирилл перехватил его запястье. Пальцы сомкнулись на чужой, ледяной плоти, и в этом касании он вдруг понял то, чего не понимал раньше. Древний был не сильнее. Он был просто старше. И он ничего не создал — только паразитировал на источниках, высасывая силу из тех, кто думал, что заключает с ним сделку.

— Ты ничего не забираешь, — сказал Кирилл. — Я сам решаю, кому здесь быть.

Багровый свет вспыхнул в его груди — и ударил в лицо Древнего. Следом — зелёный, из пятого источника, холодный, как воля. Потом золотой, живой, как смола. Все шесть запели, закричали, переплетаясь, и седьмой — тот, что спал внутри — дёрнулся, пытаюсь примкнуть к хору.

Древний заорал.

Не от боли — он не чувствовал боли. От бессилия. И от того, что впервые за тысячу лет кто-то посмел не подчиниться.

— Ты пожалеешь, — прошипел он, тая, как дым, отступая вглубь, в темноту, из которой пришёл. — Ты не знаешь, на что я способен. Ты не знаешь, что я сделаю с тобой.

— Узнаю, — ответил Кирилл. — Но не сегодня.

Он выдохнул — и проснулся.

Вероника сидела на краю кровати, вцепившись в его руку побелевшими пальцами. Её лицо было мокрым — то ли от слёз, то ли от испарины, выступившей от напряжения. Рядом, в дверях, стоял граф с подсвечником и лицом, на котором читалась его тревога!

— Ты кричал, — сказала Вероника. Тихим, странно спокойным голосом человека, который только что смотрел, как любимого убивают во сне со звуком. Низким таким, будто земля гудела.

— Древний пытался, — ответил Кирилл, садясь. Простыня упала, открывая грудь, и он с удивлением увидел, что там, под рёбрами, пульсирует чёрное пятно. Не синяк — печать. Живая, шевелящаяся, размером с кулак.

— Это было, — сказал граф. Подошёл, прищурился, постучал пальцем по воздуху над пятном, не касаясь. — Остаточная метка. Он пытался забрать твоё тело. Ты его вышвырнул.

— На этот раз.

— А что будет в следующий раз? — спросил граф жёстко.

Кирилл поднял на него глаза. Те самые — не багровые теперь, а серые, человеческие, уставшие.

— В следующий он может победить, — ответил он. — Я чувствую. Каждую ночь я буду становиться слабее. А он — нет. Он — внутри. Он питается моим сном, моими страхами, моей усталостью. Я не знаю, сколько продержусь. Неделю. Может, месяц.

— А потом?

— А потом он получит моё тело и семь источников. Силу, которая может раздавить империю. И тогда всё, что мы сделали, не будет иметь значения.

В комнате повисла тишина.

Было слышно, как за окном плещется Нева. Как где-то внизу, в кухне, звякнула посуда — кто-то из слуг уже встал, грел воду. Обычная, мирная, такая хрупкая жизнь.

— Что ты хочешь делать? — спросила Вероника.

— Мне нужна информация, — ответил Кирилл. — Древнего не победить силой. Я это понял ещё в зале. Мне нужно понять. Кто он был до того, как стал тьмой? Как первый Димидов его запечатал? Почему источник оказался тюрьмой, а не ключом? Ответы не в подземельях. Они в книгах.

— В каких книгах? — спросил граф.

— В тех, которые никто не читал последние сто лет. В тех, что хранятся в императорской тайной библиотеке!

Граф медленно опустил подсвечник на комод.

— Это не просто библиотека, — сказал он. — Это Чёрный Круг. Туда допускают по личному распоряжению императора, и даже я, при всём моём титуле, не могу войти. Там хранятся манускрипты первого Димидова. И других древних родов Империи. Их личные дневники, записи. Ритуалы, которые считаются слишком опасными даже для своих детей.

— Значит, я пойду к императору, — сказал Кирилл.

— Он тебя не примет, — возразил граф.

— Примет, — ответил Кирилл и расстегнул ворот рубахи до конца, показывая чёрное пятно. — Потому что если он не примет меня, через месяц ему придётся встречать Древного. А Древный не станет просить аудиенции.

На рассвете они сидели в малой столовой усадьбы. Кузьма накладывал себе кашу, сонно щурясь, и трижды промахивался ложкой мимо рта. Сеня пил чай маленькими глотками и вздрагивал от каждого шороха — купол держал во сне, и теперь его источники восстанавливались с болью, как мышцы после долгой гонки.

Михаил молчал. Он сидел у окна, смотрел на серое небо и иногда касался пальцами своего левого предплечья — там, под рукавом, тлел крошечный огонёк. Успокаивающий. Тёплый.

Алексей привёл себя в порядок первым — почистил сюртук, пригладил волосы. Он собирався с ними к императору. Никто не спрашивал, почему. Это было просто.

— Ты уверен? — спросил Алексей, когда они уже выходили во двор. Утро было промозглым, ветер дул с залива, и кучера кутались в тулупы.

— Нет, — ответил Кирилл. — Но другого пути нет.

Он сел в экипаж. Вероника — рядом, молча, только пальцы её лежали на его запястье. Алексей — напротив. Кузьма хотел было ползть следом, но Кирилл покачал головой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.